

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Боевая

эвтаназия

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Боевая эвтаназия

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Самаров С. В.

Боевая эвтаназия / С. В. Самаров — «Эксмо», 2019 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-117631-0

В Россию с территории Грузии проникает крупная банда террористов. В их арсенале мощное бактериологическое оружие, разработанное в секретной лаборатории американских спецслужб. Найти и уничтожить боевиков приказано роте спецназа ГРУ старшего лейтенанта Виктора Собакина. Накануне боевой операции старлею ставят серьезный диагноз – неоперабельная опухоль спинного мозга. Виктор понимает, что смерть может быть разной: на госпитальной койке или в жестоком бою с противником. Но российский офицер уже сделал свой выбор...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117631-0

© Самаров С. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Самаров

Боевая эвтаназия

© Самаров С.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Спецназ погранвойск «Сигма» преследовал крупную банду. Она состояла из полутора, а то и двух тысяч бойцов ИГИЛ, изгнанных из Сирии правительственными войсками при помощи Российской армии. Пограничники шли за ней от самой границы с Грузией.

Бандиты вполне могли бы остановиться и завязать удачный для себя бой, поскольку преследовали их не более шестидесяти бойцов «Сигмы». Но, видимо, перед бандой стояла другая задача. Она должна была непременно углубиться на территорию России, образив личным составом, стать куда более серьезной и опасной силой, а потом проникнуть в глубь страны, чтобы там творить свои черные дела и ни в коем случае не завязнуть в приграничной зоне.

В какой-то степени пополнить личный состав им удалось сразу. Уже вскоре после пересечения границы к основным силам присоединились четыре небольшие преступные группы, состоящие из молодых местных жителей. По мере продвижения в банду вливались по одному, по два, по три человека, тоже, конечно же, из числа местных жителей, которые поджидали своих поделщиков и единомышленников в ущельях, неподалеку от границы, заранее зная путь следования банды.

Это были люди из числа тех, которые до этого поддерживали ИГИЛ только морально, в мыслях сочувствовали им, но уйти в ряды террористической организации, действующей за пределами России, по каким-то обстоятельствам не смогли. Кто-то не сумел оформить визу, необходимую для выезда в сопредельные страны, кого-то не отпустили домашние дела. Да мало ли какие могли быть причины, вплоть до элементарной нехватки средств на поездку.

По пути следования банда дважды посещала дагестанские села, где некому было оказать ей достойное сопротивление. Кроме разве что одного-двух полицейских. Эти люди заранее понимали свою дальнейшую участь, но все же выступали против незваных гостей с оружием в руках.

Бандиты пролили в селах много крови. Они расстреливали людей просто потому, что те были им не рады.

Народы Дагестана издревле хорошо встречают тех, кто приходит к ним с добром, и оказывают сопротивление тем, кто желает навязать им свою волю. В этом в начале августа тысяча девятьсот девяносто девятого года убедились бойцы Басаева и Хаттаба, пожелавшие включить Дагестан в сферу своего влияния. Чеченских боевиков тогда встретили женщины и старики с косами и с охотничьими двустволками в руках. Они не желали пустить их на свою землю и отстояли ее, когда собралось ополчение и спешно подошли части регулярной Российской армии. Бандиты же рассчитывали, кажется, совсем на другой прием.

По ходу этих событий «Сигма» была усилена пограничниками из двух отдельных групп специальной разведки, официально приравненных к ротам, хотя по численности они составляли только взводы. Первая была из состава Нальчикского погранотряда, вторая – из Хунзахского, то есть местная, дагестанская. Они вели преследование по всем правилам боевых действий, не отставали от противника ни на шаг, однако в боевые действия почему-то, к удивлению бандитов, не вступали.

Тем к тому времени было уже не до сел. Видимо, информация о том, что «Сигма» в основе своей была сформирована из офицеров прославленного управления «А» ФСБ России, у бандитов имелась. «Альфа» наводила страх на террористов еще с 1978 года. Тогда эти ребята малыми силами штурмом взяли дворец президента Амина в Кабуле и расстреляли его. Все это невзирая на мощную охрану, составленную из великанов-гвардейцев и усиленную бронетехникой.

Эти традиции в спецназе погранвойск полностью сохранялись и не обещали бандитам ничего хорошего. Может быть, это тоже сыграло свою роль в нежелании банды завязать бой.

Видимо, количественные силы преследователей были им неизвестны, а предположить, что преследование ведет настолько небольшая группа, они даже не могли.

Может быть, бандиты просто знали, что дальше им предстоит столкнуться со спецназом военной разведки, который обычно работает в тесном контакте с «Сигмой». Поэтому они берегли силы и пытались пройти погранзону как можно быстрее, надеясь на то, что спецназ военной разведки не успеет развернуться и перекрыть им дальнейший путь. Но бандиты про считались.

Военным разведчикам требуется минимальное количество времени на подготовку к бою. В принципе, они могут вступить в схватку, едва только покинув борт вертолета. Солдаты были очень неплохо обучены этому, могли стрелять прицельно и с борта вертолета, и даже с каната, по которому они спускались на землю, удерживаясь только ногами.

В этот раз вертолеты выбросили спецназовцев Главного управления Генерального штаба, как сейчас официально называется ГРУ, там, где, согласно полученным данным, только и могла пройти банда. Это место оказалось самым удобным для обороны. Поперек ущелья здесь располагалась возвышенность, созданная относительно недавно обвалом части хребта. А от спецназовцев требовалось именно держать оборону, запереть банду в ущелье до подхода основных сил, поскольку пока в распоряжении командования оказалось только одно подразделение. Это была разведрота в усеченном, как обычно и бывает в спецназе ГРУ, составе.

Что могут сделать семьдесят шесть человек против полутора тысяч! Даже семьдесят семь, если считать и самого командира роты. К тому же старший лейтенант Собакин принял это подразделение только четыре недели назад, по сути дела непосредственно перед отправкой на Северный Кавказ, когда утверждался состав участников командировки.

Старшему лейтенанту даже звание капитана присвоить не успели. Обещали, даже документы в Москву отправили. Но там, как это обычно и бывает, с отправкой приказа не поспешили.

Теперь неполной роте во главе с новым командиром предстоял неравный бой. Конечно, погранцы поддержат огнем. Сомневаться в этом несколько не приходилось. Не зря же они тратили время на преследование. Но их тоже было слишком мало для полноценного боя с противником, настолько превосходящим по численности.

Военные разведчики и пограничники могли атаковать бандитов с двух сторон. Стрельбу обоим подразделениям предстояло вести сверху вниз, что исключало причинение помех одним подразделением другому. Ни одно из них не рисковало попасть под огонь смежников. Однако как армейским разведчикам, так и спецназу погранвойск элементарно не хватало стволов, о чем бандиты, скорее всего, не подозревали.

Правда, пограничники ожидали, что им вертолетным бортом подбросят минометную батарею. Но всего одно такое подразделение тоже никак не могло сделать погоды. Спецназу ГРУ была обещана поддержка с воздуха, как только освободятся с других боевых участков вертолеты-ракетоносцы. Но это тоже не сразу, поскольку вертолетам требуется и подзаправиться, так как питаются они не воздухом, и пополнить боекомплект, а потом еще добираться до места.

Правда, в сводном отряде спецназа военной разведки, действующем на Северном Кавказе, очень даже к месту оказался свободным взвод минометной поддержки, который сразу, вместе с орудиями и тройным боекомплектом, был присоединен к разведроте. Вертолет, на борту которого находилось данное подразделение, умудрился сесть в ущелье. Но и этого тоже было ничтожно мало.

Усложняло ситуацию еще и то, что между командирами разведывательной роты и отряда спецназа погранвойск не было прямой связи. Она осуществлялась через штаб погранвойск. Любое сообщение командира «Сигмы» сначала поступало туда, потом – на узел связи сводного отряда. Только после этого оно доходило до командира роты старшего лейтенанта Виктора Алексеевича Собакина.

Такая длинная цепочка связи, очень напоминающая детскую игру в испорченный телефон, не устраивала никого. Терялось время и точность согласований.

Начальник штаба сводного отряда взялся установить прямую связь. По крайней мере, он пообещал подумать над решением этого вопроса. А пока приходилось удовлетворяться изначальным вариантом.

Но старший лейтенант Собакин лучше многих других знал, что майор Крашенинников слов на ветер никогда не бросает. Он когда-то служил вместе с ним, в одном батальоне, где тот тоже был начальником штаба. Если майор обещал, то он что-то обязательно придумает. Поэтому командир разведывательной роты не отчаивался. Он вообще по характеру своему не имел такой дурной привычки.

В завершение сеанса связи майор спросил его именно об этом:

– Ты не сильно отчаиваешься, Виктор Алексеевич? Понимаю, что стволов у тебя мало. Но никого под рукой больше нет. Как у тебя позиция-то? Можно держаться?

В старой системе связи, работавшей с помощью радистов, каждый абонент имел собственный позывной. Связь через оснастку «Ратник» была шифрованной сама по себе, автоматически. Роль такого оборудования здесь исполняли нагрудные приборы каждого солдата и офицера. Поэтому прямое упоминание имен и званий стало теперь вполне допустимым.

– Мы постараемся, товарищ майор, – ответил старший лейтенант довольно кисло.

– Ты обязан постараться. Горы, это ведь твоя стихия. Я так понимаю, что звание мастера спорта по альпинизму кому попало за здорово живешь не дают!

– Вообще-то, товарищ майор, все правильно. Горы, это и в самом деле моя стихия. Только мастер спорта я не по альпинизму, а по горному туризму. Это разные вещи. Горный спорт делится на несколько разделов. Это и альпинизм, и горный туризм, и скалолазание. С большой натяжкой сюда же можно отнести и спелеологию, однако натяжка эта искусственна, поскольку пещеры не только в высоких горах располагаются.

– А как твоя голова? – поинтересовался начальник штаба, не вдаваясь в подробности горного спорта, который он, по большому счету, вообще не понимал.

«И этот уже знает», – с раздражением подумал командир роты.

Он ведь специально ездил в онкологический диспансер, находящийся в другом городе своей же области, тратил на это дни своего отпуска, чтобы никто ни в части, ни в семье не проведал о его болезни. Старший лейтенант рассчитывал, что этого никто не знает. Так, по крайней мере, должно было бы быть. Однако кто-то узнал. Если пополз слух, то остановить его уже практически невозможно.

Сейчас Собакин едва ли не выл от боли, но при этом держался так, что никто из бойцов, окружающих его, ничего не заметил.

– Нормально голова, – ответил он вполне бодрым голосом и осведомился: – А что у меня с ней не в порядке? Стрижка не та?

– Ничего. Это я так, на всякий случай. Разговоры ходят, что у тебя голова часто болит.

В реальности она болела не часто. Так было всегда. Неутешительный диагноз – неоперативная интрамедуллярная опухоль спинного мозга – ставил жирный крест не только на военной карьере, но и, кажется, вообще на жизни старшего лейтенанта. Врач, к которому Виктор Алексеевич приехал по наводке старого товарища, теперь уже отставника, произвел тщательное обследование.

После этого он сказал откровенно, сразу на «ты», не опасаясь сильно испугать боевого офицера спецназа:

– Могу дать тебе максимум полгода жизни. Но с постоянной болью. Ты ужасно запустил свою болезнь.

– Не моя вина. Наш ротный фельдшер изначально сказал, что у меня банальный остеохондроз. Оттого и шея болит, а от нее и голова. Хотя я даже не думал, что от остеохондроза

могут быть такие боли, которые словами описать невозможно. Ведь порог чувствительности у всех разный. Но фельдшер уверил меня в том, что боли могут быть и с трудом переносимые, даже свое лекарство предложил.

– Какое же?

– Гель для лошадей. Продается без рецепта. Чаще он попадает в ветеринарных аптеках, но можно найти его и в человеческих. Вначале он мне помогал. По крайней мере, боль снимал.

– Он и должен был снимать. Но только в малой мере. Да и то лишь в те моменты, когда боль сама по себе хотя бы частично отступает. Потом начинается регрессия. Ты причину принял за следствие. В результате теперь у нас в стране сделать тебе операцию не возьмется ни один онкохирург. Согласиться-то они могут, но, по правде говоря, только от твоего и своего собственного отчаяния. Я не уверен, что это возможно в Германии, в Израиле или в Чехии. Только в этих трех странах такие операции делать умеют. Сможешь набрать денег? В Чехии, кстати, операция в два раза дешевле. Помимо всего прочего сумма включает в себя послеоперационный уход за больным.

– Чехия входит в состав НАТО, как и Германия. Значит, это исключено. Ни в одной из стран, входящих в этот военный блок, не будут лечить российского офицера с моим настоящим и прошлым. Тем более спецназовца военной разведки. Если в Чехии, в Германии или даже в любой другой стране, входящей в НАТО, не дай бог случится какая-то беда, то обвинят в ней прежде всего именно меня, даже лежащего на операционном столе, под капельницей и с аппаратом искусственной вентиляции легких. Такое уже бывало не раз. Случалось даже смешнее.

– Остается Израиль.

– Союзник США. Тоже совершенно исключено. Что в странах, членах НАТО, что в Израиле местные спецслужбы попытаются воспользоваться тем временем, когда я буду под наркозом, чтобы допросить меня. Командование не даст мне на это разрешение. Мое начальство тоже понимает угрозу.

– Ты настолько засекреченный человек?

В этом вопросе довольно четко прозвучала даже нотка презрения к высокому мнению офицера о себе, и Собакин легко уловил ее. Врач явно не понимал сути дела. Объяснять ему, что тут к чему, разжевывая слова и понятия, старший лейтенант Собакин не пожелал, да и права на раскрытие даже минимальных государственных тайн не имел. Эти дела не касались даже военных врачей, не говоря уже о гражданских.

– Не в этом дело. Существует множество вопросов, на которые я смог бы дать ответы, находясь в бессознательном состоянии, – сказал он.

– В таком случае выбор остается за вами. – Врач неожиданно перешел в разговоре на «вы», словно этим отказывался от лечения больного, хотя, может быть, и просто заужавал государственного человека и его службу. – Умирать, страдая от неминуемой боли, либо лечиться.

– А какое-то медикаментозное лечение возможно?

Врач внимательно посмотрел на старшего лейтенанта через очки, сильно, до неестественности увеличивающие глаза, даже сильно выпучивающие их, отрицательно покачал головой и проговорил:

– Только оперативное вмешательство. Но ведь не исключено, что вы все преувеличиваете. Возможно, ваше командование пойдет вам навстречу. Обратитесь к нему. Это единственный дельный совет, который я могу вам дать.

Но сам старший лейтенант наличие своей боли предпочитал скрывать от всех, в том числе и от командования, и даже от своей семьи.

Глава 2

– Всем внимание! Аккуратно окопаться. Окопы индивидуальные, в полный рост, расположены строго по гребню, не выше и не ниже. Использовать для бруствера камни и землю так, чтобы все вокруг было одинаково и чтобы издали никто ничего не заметил, – отдал Собакин приказ сразу после того, как улетели вертолеты, высадившие разведывательную роту.

Шум винтов тяжелых военно-транспортных машин, специально для этого мероприятия арендованных в авиаотряде Каспийска, удалялся быстро. Он уже позволял говорить не громко, по крайней мере не кричать, что вообще было для Виктора Алексеевича делом проблематичным. Здоровье не позволяло ему этого делать. Каждое слово, произнесенное на повышенных тонах, эхом перекачивалось из одного полушария мозга в другое и с болью колошматилось в стенки черепной коробки.

Вдобавок он отдавал команды тихим голосом уже довольно давно, с тех самых пор, как спецназ военной разведки был полностью оснащен гарнитурой связи. К хорошему, говорят, человек привыкает легко. Заглушить шум вертолетных винтов и двигателей, когда они рядом, почти над головой, было невозможно, поскольку в гарнитуру связи входили микрофоны, прикрепленные к шлему и прикрывающие только один уголок рта у каждого бойца. Чуткие приборы, привычные разбирать даже шепот, этот шум улавливали и передавали всем, кто не отключил систему связи. Поэтому бойцам приходилось дожидаться момента, когда вертолеты удалятся на довольно изрядное расстояние.

Боль сжимала старшему лейтенанту затылок, одновременно распирала его, словно приподнимала часть головы. Поначалу это было непривычно, мешало сосредотачиваться. Виктор Алексеевич уже давно и очень хорошо знал, что стоит ему углубиться в собственные ощущения, понаблюдать за своим состоянием, как становится сложно думать о чем-то другом, насущном, о чем необходимо думать в данный момент. Поэтому он старался на боль внимания не обращать, не углубляться в те самые собственные ощущения, но время от времени все равно ловил себя на ненужных мыслях и всегда с большим трудом возвращался в действительность.

При этом старший лейтенант по собственному опыту знал, что заставить себя не думать о боли можно единственным способом. Надо загрузить мозг и даже все тело чем-то другим, поставить себе какую-то задачу.

Сейчас он взялся сам копать себе окоп, хотя уже в те времена, когда еще только взводом командовал, позволял сделать это солдатам, подчиненным ему. Работу для командира они выполняли всегда особо старательно, знали его характер аккуратиста и умение спросить за то, что им было поручено.

Обвал хребта, где разведрота оборудовала себе позицию, видимо, произошел достаточно давно, совершенно точно, что не этой весной. Земля уже успела основательно слежаться, поэтому старшему лейтенанту приходилось делать немалое усилие, чтобы малая саперная лопатка, заточенная до остроты бритвы, уходила в почву хотя бы на половину штыка. В земле было множество небольших камней, которые создавали дополнительные трудности при рытье окопа. Каждое усилие отдавалось в шее и в затылке сильнейшей болью, однако Собакин с работой легко справлялся. Он многократно учил каждый новый призыв собственным примером, то есть тренировался и сам, навыки, полученные во время обучения в военном училище, не терял.

– Как только кто с окопом закончит, начинает точить лопатку. Командиры взводов будут проверять, – дал командир роты следующее распоряжение.

Он тут же увидел, что несколько бойцов, этой команды не дожидаясь, свои лопатки уже точат. Оселок для заточки у каждого имелся свой собственный. Кто-то предпочитал пользоваться грубым наждаком, кто-то вообще использовал бруски с алмазным напылением, кто-то на время менялся брусками с товарищем.

На вкус и цвет среди солдат единообразия, положенного в армии, не наблюдалось, и командир разведывательной роты это даже приветствовал. Он только следил, чтобы форма одежды у его подчиненных всегда была соответствующая, как оно в войсках и полагается.

Например, многие солдаты-контрактники раньше, когда еще не существовало костюмов оснастки «Ратник», привыкли носить на голове бандану вместо каски. Они и сейчас норовили нацепить ее вместо шлема. Но он выдерживал выстрел из пистолета Макарова с пятиметровой дистанции, следовательно, неплохо защищал голову даже от автоматной пули, особенно выпущенной издалека, не всегда прицельной и чаще всего идущей по касательной.

Поэтому командир разведроты в период боевых действий категорически запрещал ношение на голове банданы. Привык к ней, считаешь амулетом, носи на шее, как ковбой из кино. Только под кителем, а еще лучше под тельняшку прячь. Но можно даже и поверх нее, такое пижонство не наказуемо. Все это, несмотря на многочисленные жалобы солдат насчет того, что в шлеме им неудобно, в нем плохо видно. Кому-то он тяжелым казался, хотя весил только слегка больше килограмма и был несравнимо прочнее прочих головных уборов.

За короткий период времени бойцы к шлему привыкли, стали считать его и легким, и удобным. Особенно для осуществления связи, когда командир бывает в состоянии отдавать команды даже шепотом. Все бойцы хотят слышать их сами, а не получать от товарища, который шлем носит. А уж про личную безопасность, защиту от пуль противника и говорить не стоило. Это все было многократно проверено обстоятельствами.

В спецназе военной разведки, который традиционно апробирует все военные новинки, давно уже ходили слухи о том, что на смену оснастке «Ратник» готовится новый комплект под названием «Сотник», пока еще условным. Но что это такое и чем новый комплект будет отличаться от старого, не знал никто, даже старшие офицеры. Оставалось ждать.

Виктор Алексеевич дал команду копать индивидуальные окопы и после этого, когда менять ее было уже поздно, засомневался в своей правоте. Может, ему стоило избрать классический вариант, применяемый в мотострелковых подразделениях? Там одно отделение обычно держит рубеж обороны протяженностью в сотню метров. Окопы соединены друг с другом переходами, позволяющими и раненому своевременную помощь оказать, и передвинуться в сторону, чтобы оказать поддержку огнем товарищу справа или слева.

Но выбор старшего лейтенанта в пользу индивидуальных окопов объяснялся просто. Ущелье в месте перекрытия имело в ширину всего-то полторы сотни метров. Растягивать окопную линию необходимости не было, как и нужды готовить в тылу запасную позицию.

Впрочем, для этого не имелось и возможности. Сама вершина гребня оказалась настолько узкой, что со второй линии окопов просто не видно было бы противника, пока он за него не перескочит. При высокой плотности обороны поддержать товарища огнем вполне можно и из своего окопа. Сам гребень горки, перекрывшей ущелье, где окопы и были расположены, давал бойцам возможность без особых проблем подобраться к раненому товарищу сзади, где и находился вход в индивидуальный окоп. К тому же плотность огня в данном случае была достаточно высокой, позволяла остановить банду, имеющую многократное численное преимущество.

Потому старший лейтенант решил не изменять свое первоначальное распоряжение. Он с удовольствием наблюдал, как командиры взводов, не дожидаясь его подсказки, приказывают солдатам сооружать ложные брустверы по обе стороны от каждого окопа. Пойми после этого, из-за которого в тебя стреляют, даже если ты и сумел все-таки каким-то образом определить их. Опыт подсказывал командирам подразделений, что даже при дневном свете сделать это практически невозможно, не говоря уже о темном времени суток. Один командир взвода начал, другие увидели и приказали ставить такие же обманки и в своих взводах.

Два бойца саперного взвода закончили все земляные работы раньше других. Потом они, естественно, по команде своего командира взвода, стали выставлять такие же ложные бруств-

веры и по обе стороны от окопа командира роты, расположенного по центру позиции, чтобы контролировать оба фланга. В итоге командирский окоп ничем не отличался от других.

Другие бойцы-саперы в это время были заняты выставлением минного заслона на подступах к позиции роты. Ее центр, пожалуй, должен был стать самым безопасным направлением во время боя. Но не с самого его начала. Именно сюда будет направлена первая атака бандитов. Они сразу попытаются разрезать заслон на две части, которые можно было бы потом уничтожить по отдельности. Однако при этом правый и левый фланги будут в состоянии поддержать центр огнем.

Позже, как бывает обычно, атака пойдет по двум направлениям, непременно по флангам. Может быть, главарь банды предпочтет нанести концентрированный удар по какому-то одному из них. Правый, где стоял надежный первый взвод, был относительно открыт для прострела с центральной позиции. Левый же представлял собой нагромождение скал, за которыми можно было успешно прятаться от автоматных очередей и в относительной безопасности подойти на дистанцию ближнего боя.

В этом случае надежда была на успешную работу снайперов. Они, не дожидаясь команды, будут сбоку отыскивать тех личностей, которые отдают приказания, и лишат банду управления. Так было всегда, и снайперы это знают.

Свой снайпер имелся в каждом взводе кроме саперного и связи. В первом даже два. Способности у всех них были разные, стреляли они каждый по-своему. Но наступающие бандиты будут на ближней дистанции и обязательно попадут в зону обстрела снайперов на любом фланге.

С такого расстояния сможет произвести удачный выстрел не только обученный снайпер, но и простой солдат, имеющий на автомате «АК-12» оптический тепловизионный прицел. Они во взводе есть на всех до единого автоматах, как и глушители, которые одновременно являются и пламегасителями, не демаскируют место, откуда производится выстрел.

Но только лишь снайперы имеют в своем арсенале «Винторезы». У одного из них есть еще и штатная винтовка «Корд» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. При попадании в конечность или голову пуля отрывает их. Если она угодит в живот, то может разорвать корпус пополам.

Снайпер третьего взвода прапорщик Затулько как раз на подобных выстрелах и специализируется. «Винторез» у него трофейный. На его деревянном прикладе изначально было множество нарезок. Бандит, который раньше пользовался этой винтовкой, много федералов положил. Это вызывало у прапорщика Затулько только злость. В отместку он после каждого удачного выстрела из любой своей винтовки ставил на ее прикладе засечку собственную. Прапорщик уже почти догнал бандитского снайпера по количеству попаданий.

Виктор Алексеевич посмотрел на часы, хотя мог определиться и без них. До расчетного времени подхода банды оставалось около полутора часов.

– Командиры взводов, выставить наблюдателей! Остальным отдыхать до особой команды, – распорядился он.

Сам командир роты отдыхать не собирался. Он знал, что попытка забыться сразу, без лишних слов, уведет его в привычные ощущения боли. Те самые, которые хотя бы частично уходят только во время боя.

Были, естественно, у старшего лейтенанта при себе и сильнодействующие средства, призванные утихомирить самую сильную боль. Но после приема этих препаратов голова командира роты не могла мыслить ясно, катастрофически терялась реакция, плохо понималась общая ситуация. К тому же эти лекарства больше снимали стресс после боли, чем ее саму.

Болеутоляющие таблетки были препаратами строгой отчетности, то есть носителями наркотической составляющей, поэтому на мозг действовали особенно сильно. К тому же они вызывали привыкание.

Собакин намеренно не принимал эти лекарственные средства в сложных ситуациях. Он иногда позволял себе делать это дома. Так продолжалось до тех пор, пока жена однажды не спросила его, сколько и чего он выпил. Он тогда сказал ей, что пил чистый медицинский спирт. Мол, угостил шифровальщик, получивший со склада канистру для чистки контактов своих машин. Медицинский спирт, как сказал Виктор тогда жене, тем и хорош, что почти не пахнет. Хотя сам он в этом уверен не был. Но она, человек совершенно не пьющий, таким ответом удовлетворилась.

– Котенков! – позвал Собакин лейтенанта, командира минометного взвода.

На вооружении этого подразделения состояли четыре восьмидесятидвухмиллиметровых миномета «Поднос».

– Я, командир, – тут же отозвался лейтенант.

– Доложи готовность.

– Все установили. Хорошо было бы каждой трубе пальнуть по разу для пристрелки.

– Никак нельзя сейчас шум поднимать. Бандиты могут остановиться. Поймут, что мы впереди. Будут искать переход в другое ущелье.

– Я понимаю ситуацию, поэтому не настаиваю на пробном выстреле даже для одной трубы. Куда выставить корректировщика, командир?

– На обвалившийся хребет его посадить сможешь?

– У меня во взводе есть разрядник по скалолазанию. Правда, он второй номер в минометном расчете. Но там есть кому его заменить.

– Разрядник, это хорошо. Только здесь, мне думается, не скалолаз требуется, а просто человек с хорошей дыхалкой. Склон сбоку слишком крутой, забраться на него будет сложно, но вполне реально. Ты найдешь такого парня, который там пройдет?

– Любого из моих можно послать. Даже того же разрядника рядового Максакова. У него, кстати, большой опыт корректировки.

– Отлично. Отсылай. А я пару человек прикажу выделить ему в подкрепление, чтобы могли при необходимости огнем его прикрыть. Корытин, Саша, слышишь?

Старший лейтенант Корытин, командир первого взвода, единственного полного в роте, неофициальный заместитель самого Собакина, услышал его сразу, понял задачу и проговорил:

– Ясно, командир. Выделяю пару бойцов. С ними хочу отправить и одного из своих снайперов. Наверху он будет на месте. Оттуда обзор хороший. Дистанция позволяет отстреливать бандитов на выбор.

– Добро, работай, – согласился Собакин.

Через пару минут старший лейтенант поднял бинокль. Он наблюдал, как по склону, довольно крутому, градусов этак в сорок пять, а то и пятьдесят, карабкались на перевал четверо бойцов. Один из них держал за плечами снайперскую винтовку, для маскировки обмотанную тряпками, развевающимися на ветру. Двое держали одной рукой автоматы со сдвинутыми телескопическими прикладами, второй при этом опирались на склон. Четвертый боец, взбирающийся самым последним, перекинул через шею на спину ремешок футляра большого и тяжелого бинокля. Там же, на спине, он держал и собственный автомат, чтобы тот не мешал подъему. Ремешок футляра бинокля был тонким, видимо, резал шею, и боец несколько раз подправлял его. Но передвижения по склону это не задерживало.

Весь подъем занял около сорока минут. Задний, похоже, подстраховывал передних, давал им подсказки и не стремился их обогнать, хотя по его движениям видно было, что он всегда может добавить в скорости.

Старший лейтенант Собакин опустил свой бинокль только тогда, когда наблюдатель и корректировщик, идущий последним, оказались на перевале. После этого он снова посмотрел на часы, словно проверяя себя, свое умение чувствовать время. Во время наблюдения боль

вроде бы отступила, но стоило командиру роты опустить бинокль, как она снова начала одолевать его.

Время появления банды в оперативном отделе сводного отряда было рассчитано правильно, хотя, как и всегда при подобных расчетах, с допуском плюс-минус десять минут. Виктор Алексеевич рассматривал в бинокль первые ряды бандитской колонны и удивлялся. Согласно слухам, официальным сводкам и заявлениям политиков, в бандиты подавалась прежде всего молодежь, не нашедшая себе места в социуме. Но впереди шагали широкобородые зрелые мужчины. Некоторые из них были бритоголовыми. Другие обладали густой и жесткой как проволока шевелюрой, скрепленной зеленой лентой с надписью арабской вязью.

Но вскоре старшему лейтенанту все стало понятно. Первыми шли выходцы из Сирии, самые опытные бойцы, умеющие чувствовать противника загодя. Эмир банды, похоже, надеялся, что эти люди не заведут остальных в западню, под стрельбу из засады. За этими бойцами следовали молодые парни. Они не имели такого устрашающего вида, хотя и старались изобразить на лицах суровость, серьезность и решительность.

Старший лейтенант посчитал, что эти люди присоединились к банде уже по эту сторону границы. Необстрелянные юнцы мечтали о великой славе и богатстве, которое им обещали вербовщики ИГИЛ. Размещение новобранцев на таком месте в колонне было совершенно естественным.

Старший лейтенант Собакин отдал должное эмиру банды, даже не зная его имени. Сам он на его месте поступил бы точно так же. Если погибнут эти молокососы, то потеря окажется невелика. К тому же ее легко можно будет восполнить за счет нового пополнения.

Первыми эмир поставил тех людей, которые пользуются в банде высоким авторитетом и всегда готовы составить ему конкуренцию. Если они погибнут, то эмиру будет тоже не жалко. Меньше склок в банде. В любом коллективе есть личности подобного рода. Они считают, что смогут руководить лучше, и готовы занять главенствующее положение.

Именно в этот момент, отвлекая старшего лейтенанта от мыслей и возвращая боль в голову, подал звуковой сигнал комплекс разведки, управления и связи, сокращенно КРУС. Узел связи сводного отряда вызывал командира разведроты.

– Старший лейтенант Собакин. Слушаю вас внимательно, – отозвался Виктор Алексеевич.

– Старлей, майор Венедиктов тебя беспокоит, дежурный офицер узла связи. Тут с тобой рвется поговорить майор Феофилактов. Будешь беседовать?

– А кто это такой? – поинтересовался командир разведроты, мысленно перебирая в памяти всех офицеров сводного отряда и особенно оперативного отдела, которые и готовили эту операцию.

Но такого майора он так и не вспомнил.

– Насколько мне известно, это командир отряда спецназа погранвойск, – равнодушно сообщил ему Венедиктов, который был, естественно, не полностью в курсе того, что происходит.

– Давайте его быстрее, товарищ майор. А то у меня и ситуация, и время подпирают.

Дежурный офицер узла связи соединил абонентов. Одна тишина сменилась другой. Но эта, новая, звучала уже иначе, как ни странно говорить такое.

– Старший лейтенант Собакин. Слушаю вас, товарищ майор, – сказал командир разведроты в микрофон.

– Здравствуй, старлей. Вот мы с тобой и познакомились. Мне только-только доставили вертолетом шлем вместе с КРУСом и простеньким солдатским приемоиндикатором. Сказали, что офицерского планшетника, который покруче, в наличии нет даже на складе, а собственный никто дать не пожелал. У всех в них нужда. Даже на время не дали. Но карту местности

в приемоиндикатор, слава богу, заложить не забыли. Так что я теперь вижу, где твоя рота расположена. А ты теперь должен разглядеть меня. Заметил?

– Минутку, товарищ майор. Сейчас я вас увижу, – сказал старший лейтенант, вытащил из большого нагрудного кармана свой планшетник, запустил его и сразу вывел на экран карту местности, которую загрузил в память гаджета еще перед вылетом.

На ней тут же высветилась зеленая точка, показывающая местоположение приемоиндикатора майора.

– Вижу вас. Так вы, оказывается, совсем у банды на хвосте висите.

– Если чуть-чуть скорости добавим, то сумеем стрелять в них. А вы уже натурально это делать можете, как я понимаю?

– Мы уже можем, но хотим подпустить ближе, чтобы пулеметы задействовать по полной программе, на прицельной стрельбе. Да и для простых бойцов дистанция покороче удобнее, чтобы бандиты с половины дороги вернуться не пожелали.

– Сколько у тебя пулеметов, старлей?

– Четыре, товарищ майор.

– Чем еще из вооружения богат?

– Четыре пулемета, как я уже сказал, вместе с моим – шестьдесят три автоматных ствола, пять снайперов с «Винторезами» и четыре миномета «Поднос» с полным боевым расчетом. Короче говоря, взвод минометной поддержки, как он официально у нас называется.

– Минометы, это хорошо. Снайперы – еще лучше. Я сам любитель со снайперами работать. У себя держу шестерых. Раньше было полное отделение, десять бойцов вместе с командиром. Сейчас двое в отпуске, двое, в том числе и младший сержант, командир отделения, раненые в госпитале лежат. Но я и на шестерых надеюсь. Они в любом бою могут погоду сделать. А минометчики у тебя с опытом боевых действий?

– Так точно. Они, конечно, к моей роте отношения не имеют, и сам я их работу не наблюдал. Это отдельный взвод из резерва нашего командира сводного отряда. Но все прошли не один бой. Мины точно кладут. Стрелять будут через наши головы. На перевале, в месте обрушения хребта, сидят их корректировщик с двумя бойцами охраны и наш снайпер. Один из пятерых. Четверо в общей цепи.

– Порядок. Бой может получиться славным. У меня людей только на три с небольшим десятка больше, чем у тебя. Это вместе с подкреплением, которое мне подослали. Но мы с тобой за счет высокой позиции их возьмем, несмотря на количество. Ты начинаешь, мы выдвигаемся вплотную и огнем бандитам в спины тебя поддерживаем. А пока добавляем скорости. А то ты всех без нас перебеешь. Ты и сам, наверное, понимаешь, что нам тоже пострелять хочется! Из вооружения у нас кроме снайперских винтовок пока только два ручных пулемета, автоматы с тепловизионной оптикой и с глушителями,

– То же самое, что и у нас? «АК-12»?

– Да. «АК-12». Понятно положение. Все мои бойцы, как и твои, наверное, желают свой боевой счет пополнить. Ладно, работаем! Конец связи.

– Конец связи, товарищ майор.

Майор Феофилактов говорил и шутил безалаберно, легко, почти по-детски, значит, настроение у него было веселое и боевое. Это не могло не радовать командира разведроты. Иметь союзника с таким настроением всегда приятно. Главное, чтобы оно не перерастало в шапкозакидательство. Но офицер, имеющий такую склонность, едва ли смог бы возглавить отряд спецназа пограничных войск. Эта мысль Собакина успокаивала.

Старший лейтенант переключился на внутреннюю связь и дал команду бойцам своей роты:

– Внимание всем! Без команды не стрелять. Надо подпустить их поближе.

Однако бандиты, державшиеся в первых рядах, тоже наверняка имели опыт боевых действий. Они заметили, что ущелье перекрыто обвалом хребта, и колонна остановилась. Похоже, на бандитских картах этого обвала не было. Он произошел позже того, как они были составлены. Это у спецназа военной разведки карты всегда относительно свежие, спутниковой съемки. У бандитов таких не водится.

Но бандитскому эмиру было ясно, что другое столь же удобное место для засады найти трудно. Он выслал вперед разведку из числа новобранцев, которых особо не щадил.

Однако возглавил разведку все же опытный человек из первого ряда колонны, широкобородый, с откормленным брюшком, в кожаном жилете, надетом прямо на голое тело и не прикрывающем волосатую грудь, и с аккуратной выбритой блестящей головой. Видимо, он сделал это совсем недавно. Может быть, даже минувшей ночью или вечером, прямо перед тем как перейти пограничную реку. При этом его лысина как-то умудрилась не замерзнуть. Ведь речка питается талой водой из ледников, значит, вода в ней холодная, а течение быстрое. На камнях брызги летят в разные стороны. Наверное, они и лысину омывали.

Но мозг от холода порой начинает думать яснее. Старший лейтенант знал это из личного опыта. Ему доводилось даже зимой переходить по перекатам незамерзающие горные речки, и тогда голова с короткой стрижкой порой замерзала.

Старший лейтенант Собакин рассмотрел этого бандита в бинокль. Тот сразу ему не понравился. Было в этом человеке что-то животное, неприятное. Таким лицом только непослушных детей на ночь пугать, чтобы смирно спали!

Поэтому Виктор Алексеевич, не удосужившись рассмотреть остальных бандитов, взял на прицел типа в кожаном жилете и стал провожать его стволом автомата.

Но потом он решил, что для снайпера это куда более удобная мишень, вызвал по связи старшего сержанта Шкадникова из первого взвода и осведомился:

– Серега, ты видишь бандита в кожаном жилете?

– Не просто вижу, товарищ старший лейтенант. Я его лысину подкрасить готов в любой момент. Веду голову у себя в прицеле. Моя винтовка такие лысины не сильно уважает. Никакого пиетета к ним, понимаете, не имеет.

– Это хорошо. Сережа! Он твой. Еще кого-то выбери на свой вкус. Надо, чтобы каждому из вас, которые с «Винторезами», по паре бандитов досталось.

– Я возьму вон того длинного, что следом идет. У него ноги как циркуль. Типичная походка наркомана. У тех ноги вообще не сгибаются или, наоборот, болтаются при каждом шаге как макароны переваренные. Я наркоманов тоже не перевариваю. Его и положу вторым.

Глава 3

– Остальным снайперам разобрать разведку по человеку! – дал команду Собакин. – На каждого из вас придется по два выстрела. Выбираете тех бандитов, которые рядом идут.

Эти ребята свое дело знали хорошо.

– Начинаем с краю, – сказал снайпер второго взвода сержант Никольский. – Два правых – мои клиенты, созрели, голубчики.

Наушники шлема командира роты наполнились голосами четверых снайперов, распределяющих цели, чтобы никому не пришлось потратить лишнюю пулю.

– Стрелять только по моей команде! – напомнил им старший лейтенант. – Когда они уже окажутся в опасной близости от нас. Если надумают возвращаться раньше времени, то вообще не стрелять. Пусть уходят, если есть куда. Если некуда, то мы им поможем отправиться в такое место, которое они заслужили. Все поняли?

– Поняли, командир, – за всех ответил Никольский. – Не первый год замужем.

Спецназовцам осталось только молча ждать. Но никто из них не высовывался, не демонстрировал своего присутствия.

Как раз в этот момент старшему лейтенанту Собакину пришла в голову мысль о том, что если эта разведка все-таки уйдет восвояси, то она может стать ненужным противником. Шальная очередь, выпущенная любым из этих бандитов, возможно, даже тем, кто не умеет из автомата толком стрелять, способна причинить кому-то много неприятностей. Поэтому лучше уничтожить бандитскую разведку сразу, на подходе, прямо сейчас.

Эти субъекты особой осторожности не проявляли, приближались к спецназовцам без остановки. Бритоголовый бородач в распахнутом кожаном жилете откуда-то с пояса передвинул под навес из собственного живота бинокль. Он вытащил его из футляра, остановился и стал внимательно рассматривать гребень горки, выраженный так явственно, словно тот был создан не природой, а человеческими руками. В один из моментов бинокль смотрел прямо на бруствер командира роты.

Старший лейтенант Собакин напрягся, старался не шевелиться. Один раз ему даже показалось, что их взгляды встретились. Он постарался даже не мигать, чтобы не выдать себя.

Тут, как назло, в самый неподходящий, как обычно и бывает, момент, Виктор Алексеевич ощутил такой мощный приступ головной боли, что глаза его почти перестали видеть. Однако он пересилил себя и замер без движений. Хотя ему очень хотелось обхватить голову двумя руками и сжать ее, чтобы она не улетела куда-то, словно оторванная от тела взрывной волной. Эта самая голова отчаянно стремилась разорваться на две части. Верхняя желала взлететь ввысь. Нижняя вместе с остальным телом, наоборот, придавливалась к земле. Но показывать всей роте свои ощущения Собакин не желал и никогда этого не делал.

Скоро самая острая боль отступила. Это было словно командой бритоголовому бандиту. Тот перевел бинокль в сторону и свободной рукой подогнал остальных. Он заставлял их идти вперед, сам же выдвигаться, похоже, опасался.

Молодые бандиты уже приблизились к окопам на дистанцию метров в тридцать. Подпускать их ближе было просто опасно. Они ведь могли что-то и рассмотреть.

Поэтому командир роты дал команду:

– Снайперы, работать на счет «пять»! Один...

Слово «один» само по себе прозвучало как команда, резко и конкретно. Старший лейтенант отлично знал, что вслух считать никто не будет. Каждый из снайперов сделает это мысленно и нажмет на спусковой крючок своего «Винтореза», производя выверенный выстрел. Обычно снайперам дается три секунды на то, чтобы прицелиться. А здесь командир выделил на это целых пять.

Быстрее всех считал, видимо, старший сержант Шкадников, потому что первым упал бритоголовый командир группы бандитских разведчиков. Его голова раскололась словно арбуз.

Выстрела слышно почти не было. Интегрированный глушитель «Винтореза» работает отлично. Звук, такой же слабый как от пневматической винтовки, видимо, разнесся над хребтом и перевалом, не пожелал спускаться по крутому склону. Даже чуткие микрофоны почти не уловили его. Или же Шкадников свой отключил. Но выстрелы других снайперов, следовавшие за первым, уже можно было легко различить в наушниках.

За три-четыре секунды группа разведчиков банды существовать полностью перестала. Это была первая малая победа. Командиру разведывательной роты хотелось на-деяться на то, что она – предвестница победы общей, над всей бандой. Ему очень хотелось верить в это!

Замигала лампочка КРУСа. Командир «Сигмы» майор Феофилактов желал пообщаться со старшим лейтенантом Собакиным. Теперь с этим проблем не было.

– Слушаю вас внимательно, товарищ майор, – ответил Собакин на вызов.

– Старлей, мы на позиции. Готовы поддержать вас огнем. Я наблюдал в бинокль, как твои снайперы отработали. Поздравляю. Качественно! Несколько секунд, и дело сделано.

– У нас в роте все, товарищ майор, работают качественно. Так приучены. Причем всегда, независимо от обстановки.

– Добро. Так, общими усилиями, глядишь, и справимся с задачей.

– Надеюсь.

– Что дальше планируешь предпринять?

– Жду лобовой атаки. Готов принять удар на себя.

– Кажется, они сейчас пойдут. Предупреди пулеметчиков и минометчиков.

– Думаю, они уже готовы. Пулеметчики на передовой линии. Минометчики не зря выставили корректировщика. Первые мины, понятно, лягут, скорее всего, мимо. Потом последует классика – недолет, перелет, вилка. Все как обычно.

– Добро. Работай. Мы поддержим сзади.

– Лучше бы, товарищ майор, не нас поддержать, а бандитов подогнать.

– Сделаем. Старлей, я слышу звук вертолетного двигателя. Похоже, ко мне минометы летят. Все. Выхожу встречать вертушку. Конец связи.

– Конец связи, товарищ майор.

Майор Феофилактов довольно сдержанно произнес слово «сделаем», как-то не очень уверенно пообещал, что спецназ погранвойск окажет военным разведчикам необходимую поддержку и подгонит банду. Сделать это можно было только, как предполагал старший лейтенант Собакин, массированным обстрелом. Но такового пока заметно не было.

«Может быть, у погранцов перегруппировка идет? – подумал Виктор Алексеевич. – Или же майор просто не желает показывать наличие стволов позади банды?»

Он поднял бинокль и сумел рассмотреть, как банда выстраивается тремя широкими колоннами, явно не маршевыми, а штурмовыми. В середину каждой из них прятались гранатометчики, вооруженные «РПГ-7», вначале занимали место бандиты с огнеметами «Шмель».

Старший лейтенант сразу дал команду:

– Снайперы, внимание! Начинать следует с огнеметчиков. Иначе они могут нас пожечь. Потом переходите на гранатометчиков, только после этого работайте по всем остальным.

– Командир, гранатометчиков погранцы обслуживают. Я смотрю в прицел «Корда», вижу, что они уже второго положили. У погранцов тоже, похоже, «Винторезы» или еще что-то с глушителем, – проговорил снайпер третьего взвода прапорщик Затулько, вооруженный трофейным «Винторезом» и штатным крупнокалиберным «Кордом».

Погасить звук выстрела этой винтовки не был способен ни один глушитель в мире. Очень уж мощный он имел патрон, его пуля летела невероятно быстро и далеко. Очень хорош был и

прицел этой винтовки, который позволял снайперу контролировать поле боя, хотя и имел не слишком большой угол наблюдения.

– Это хорошо, что обслуживают, – сказал Собакин и перевел бинокль туда, где только недавно видел человека с «РПГ-7», которого кто-то из младших эмиров прятал в середину строя.

Этот гранатометчик упал прямо на глазах командира разведывательной роты. Пуля снайпера-пограничника нашла его голову, вызвала разлад в ровных рядах колонны, обрызгала бородатые лица бандитов, стоявших рядом, кровью и мозговой жидкостью. Гранатомет сразу кто-то поднял. Но этот тип тоже поймал пулю.

Колонны дрогнули и быстро двинулись вперед, выполняя чью-то команду, но люди в них продолжали падать. Четыре последних шеренги задержались, развернулись и ударили из автоматов по предполагаемой позиции «Сигмы». Но никто из бандитов ее не видел, а снайперские винтовки пограничников не спешили продемонстрировать им, откуда ведется огонь.

Командир разведывательной роты без особого труда понял, что таким вот образом майор Феофилактов в одном действии совместил два замысла. Он не показал общего количества своих автоматных стволов и банду подогнал. С невидимыми снайперами воевать всегда сложно.

– Посмотрите, товарищ старший лейтенант, – проговорил прапорщик Затулько. – В середине средней колонны бандиты что-то на носилках несут. Там какой-то контейнер.

Командир роты навел бинокль на середину средней колонны. Он сразу заметил короткие носилки, которые несли четверо боевиков. Взгляд его задержался на человеке, который шел рядом с носилками. Это был откровенный европеец или американец, по крайней мере блондин. Среди кавказцев, особенно в Чечне и в Дагестане, порой можно встретить откровенно рыжих представителей своих наций, но блондинов командиру роты видеть не приходилось ни разу за все время командировок сюда. Да и по одежде этот человек существенно отличался от остальных бандитов. Он носил старомодный полувоенный френч и брюки галифе, на ногах и на предплечьях были кожаные краги. Рассмотреть его лицо из-за немалого расстояния было сложно даже в бинокль. И даже оптический прицел автомата не помог. Он приближает чуть лучше, чем бинокль, но имеет меньший угол захвата. Поэтому приходится прицелом отыскивать объект.

– Затулько, присмотрись к самому центру средней колонны. Там идет европеец или американец. Его хорошо бы ликвидировать. Твой «Корд» это должен суметь. Постарайся.

– Сработаю, как только он ближе окажется. Сделаю из одного европейца двух. Для моей винтовки это не сложно.

Однако отвлекаться на какого-то одного противника, будь это даже президент Соединенных Штатов Америки, старший лейтенант не намеревался. Его задача состояла в ином. Он должен был задержать банду до прихода основных сил. Но каких именно, никто толком объяснить ему пока еще не смог. Просто потому, скорее всего, что не знал. Не ведал этого и начальник штаба сводного отряда майор Крашенинников, который и обещал эти основные силы подослать. Скорее всего, сюда придет другая разведрота, усиленная парой, в лучшем случае тройкой отдельных взводов.

Старший лейтенант Собакин хотел было подсчитать потери, которые уже понесла банда, так и не успев вступить в бой, но потом решил, что вскоре они значительно вырастут, поэтому итоги подводить еще рано.

– Котенков! – позвал он командира минометного взвода.

– Я, командир. Слушаю!

– Доложи готовность.

– Только команду ждем. Мы готовы полностью.

– Хорошо, жди. Командиры взводов, доложите готовность!

– Первый взвод к обороне готов, – сразу, словно ждал этого вопроса, отозвался старший лейтенант Корытин.

– Второй взвод готов, – доложил лейтенант Пустовалов.

– Третий взвод занял позицию. Ждем команды. – Командир третьего взвода старший лейтенант Хромов любил развернутые доклады, хотя по жизни был человеком молчаливым и конкретным, даже создавал впечатление весьма угрюмого типа.

– Четвертый взвод во всеоружии ждет противника. – Молодой лейтенант Шапкин не любил повторять то, что было уже произнесено, всегда старался сказать все по-своему.

– Саперный взвод на позиции.

– Взвод связи на позиции.

Взвод связи теперь назывался так, скорее всего, по инерции. В его состав до сих пор входили обыкновенные радисты, снабженные не самыми новыми станциями, хотя связь давно уже осуществлялась без их помощи. Ведь КРУС позволял при необходимости вести разговоры даже с Москвой, хотя и через узел связи отдельного сводного отряда, дислоцированного в окрестностях Махачкалы. Сами бойцы взвода связи, по сути дела, давно уже стали обыкновенными спецназовцами. Подготовку они проходят такую же, как обыкновенные солдаты, хотя официально и считаются радистами. Именно поэтому этот взвод занял точно такую же позицию, как и все остальные, то есть окопался и выставил брустверы. Лейтенант Колмогоров был командиром взвода связи только потому, что когда-то, до военного училища, учился на приборостроительном факультете политехнического института.

– Я понял. Все, значит, готовы.

– Сейчас рванет, – не отрывая от глаз бинокля, проговорил командир саперного взвода. – Шагов десять-двенадцать осталось.

Но бандиты и здесь показали свой опыт. Подчиняясь чьей-то команде, из середины колонны вперед вышли несколько человек с длинными металлическими штырями. Это явно были бандитские саперы. Они стали этими штырями прокалывать почву перед собой в тех местах, где она казалась им подозрительной.

– Снайперы! – отдал короткую, но вполне понятную команду старший лейтенант.

Наушники тут же донесли до него негромкий звук двух выстрелов, последовавших один за другим. Двое бандитских саперов упали. За ними повалился и третий, но выстрела на сей раз слышно не было. Видимо, старший сержант Шкадников так и не включил свой микрофон. Распоряжения командира, если старший сержант и наушники выключил, ему передавал кто-то из бойцов, находящихся рядом. Но стрелял Шкадников так же точно, как и всегда, не тратил попусту ни одного патрона.

В ротную связь снова включился майор Феофилакт.

– Старлей, чего ты ждешь? Пора уже. Потом поздно будет, – заявил он.

– Подпускаю ближе, на линию прямого выстрела.

– Ну, у тебя, старлей, и выдержка.

– Кстати, товарищ майор, вы не в курсе, что за контейнер бандиты на носилках несут? Рядом с ними идет какой-то блондин, европеец или американец. Мне это сильно не нравится.

– Не знаю, старлей. Я рассмотрел его и сам думал тебя об этом спросить. Но у меня почему-то появилось настойчивое мнение, что этот контейнер как-то связан с желанием банды уйти как можно глубже в Россию, подальше от границы.

– У меня тоже такая мысль в голове промелькнула. Но это можно проверить прямо сейчас.

– Каким образом?

– Пулей!

– Выстрел в контейнер?

– Так точно, товарищ майор! Если бандиты разбегутся, то это наверняка будет означать, что в контейнере находится что-то опасное. Какое-то оружие массового поражения, которое планируется активировать в глубине России, может быть, даже на курортах Ставрополя.

– Но тогда не только бандиты, но и мы попадем под его воздействие.

– Скорее всего. Это наш резервный вариант. Будем считать так. Активация контейнера здесь, в горах, будет далеко не так страшна, как в густонаселенном районе. Да, не исключено, что все мы тут погибнем. Но это ничтожно мало в сравнении с тем, что может быть. Ладно, товарищ майор, мы начинаем работать. Пора уже! Котенков, твой выстрел первый.

Но выстрела миномета было не слышно. Командир роты уловил только, как сама мина провыла, пролетая над головами спецназовцев. Она взорвалась точно в первой шеренге левой колонны банды, разметала людей в разные стороны, кого убила, кого покалечила осколками. Боевиков, желающих подняться и продолжить движение, старший лейтенант Собакин рядом с этим местом не увидел.

А сам выстрел не было слышно потому, что одновременно с тем моментом, когда заговорил миномет, но гораздо ближе к позиции спецназовцев, подорвался один из бандитских саперов. Он шарахнулся в сторону от пули снайпера, кажется, порвавшей на нем одежду. Теперь потери понесла средняя колонна. Она лишилась своей головной части, составленной из самых опытных бойцов. Виктор Алексеевич догадался об этом по внешнему виду бывалых бандитов.

В колонне, наступавшей на правом фланге обороны разведчиков, осколками мины были поражены два бандита. Один из них сразу упал на колени и зажал голову ладонью. Второй сначала повалился, но тут же встал, даже резко вскочил и, заметно пошатываясь, занял свое место в строю, закрывая рукой бок. Этот бандит тоже был из числа опытных, носил широкую бороду лопатой и густую шевелюру, стянутую зеленой лентой с надписью, сделанной красивой арабской вязью.

Разобрать ее было невозможно даже в бинокль, тем более что старший лейтенант не умел ни говорить, ни читать по-арабски. Но Собакин уже много раз видел подобные ленты на головах бандитов, погибших и в самом Дагестане, и в других республиках Северного Кавказа. Надписи были разные, у каждого на свой вкус. Солдат-мусульманин, знающий арабский язык, подсказал командиру роты, что на ленты переносятся тексты из сур Корана.

Раненый бандит прошел несколько шагов и снова упал. Сначала он рухнул сразу на оба колена, положил бороду на грудь, а потом уже завалился на бок, спиной к старшему лейтенанту Собакину, наблюдающему за ним в бинокль.

Глава 4

Об успешном попадании первой мины корректировщик, конечно же, сообщил лейтенанту Котенкову. Тут же через головы бойцов полетели новые. Каждая последующая падала чуть дальше предыдущей.

Минометный обстрел, ведущийся таким вот образом, наносил банде большой урон в живой силе до того момента, как кто-то дал боевикам громкую команду рассредоточиться. Они сделали это, после чего последовал новый приказ.

Бандиты двинулись в атаку. Она, как старший лейтенант Собакин и предполагал, была нацелена прямо на центр линии обороны разведывательной роты. Но эта традиционная тактика была давно известна спецназовцам. Она могла дать положительный результат только тогда, когда оборона противника очень слаба.

В данном случае она была подготовлена очень даже неплохо. Сначала показала себя работа саперов, выставивших целое минное поле, на котором бандиты рвались один за другим. Они погибали под осколками противопехотных мин и подставляли под удар своих подельников, бегущих в атаку следом за ними.

После чего по приказу командира роты, заговорили пулеметы, расположенные на правом и левом флангах. Пулеметчики показали себя хорошими пастухами. Они мигом оставили фланги почти чистыми и умело сгоняли стадо баранов как раз туда, куда те и сами стремились, то есть в сторону центра, где уже с трех сторон их попросту расстреливали автоматчики.

У спецназа военной разведки все автоматы «АК-12» имели глушители, поэтому бой выглядел достаточно странным. Если посмотреть со стороны, то выходило, что стреляли вроде бы одни бандиты. Однако они же и падали, не успев добраться до окопов спецназа, будто бы получив очередь в спину от своих же.

Однако боевики не останавливались. Неизвестно, что произошло бы при такой громадной разнице в численном составе, если бы у эмира хватило духа продолжить атаку. Бандиты могли бы прорваться сквозь достаточно плотную линию обороны и там, на гребне, вступить в рукопашную схватку. В ней все решало бы не личное умение бойцов, а, скорее всего, только количество противников.

Старший лейтенант Собакин успел дать команду подготовить малые саперные лопатки, которыми бойцы еще совсем недавно, всего-то несколько часов назад, рыли здесь же окопы, способные превратиться в могилы. В этот же самый момент боевики получили приказ отступить. Видимо, нервы у бандитского эмира были абсолютно не железные. Он не выдержал первым.

Ну а старшему лейтенанту Собакину просто некуда было отступить. За спиной у него стояла только минометная батарея лейтенанта Котенкова. Невыдержанность эмира по сути дела спасла не только ее, но и всю роту спецназа военной разведки, поскольку неизвестно было, чем закончилась бы рукопашная схватка. Разница в численности была слишком велика, но банда отошла.

– Продолжать обстрел! – приказал старший лейтенант.

Но бойцы и без этой команды продолжали посылать одну короткую очередь за другой по отступающему, даже бегущему противнику. Солдаты прекрасно понимали, что чем потери бандитов будут больше прямо здесь и сейчас, тем сложнее им придется при следующей атаке, которая непременно последует. Это автоматически означало, что у бойцов разведывательной роты повышалась возможность выжить.

Стрельба при этом велась прицельная, выборочная. Старший лейтенант сам предложил бойцам отстреливать прежде всего самых возрастных, следовательно, особо опытных в военном деле бандитов. По-прежнему работали снайперы.

Время от времени раздавался такой грохот, который могла бы издавать пушка небольшого калибра, хотя сам Виктор Алексеевич хорошо знал, что это работает дальнобойная крупнокалиберная винтовка «Корд».

После очередного выстрела прапорщик Затулько выкрикнул:

– Есть! Готово!

– Что у тебя? – узнав голос снайпера, спросил командир роты.

– Как вы и просили. Только со второго выстрела. В первый раз его другой бандит не вовремя закрыл. А со второго я из этого европейца двух сделал. Пополам его разрубил. Бандиты с него сейчас зачем-то рюкзак стаскивают.

– Стреляй в рюкзак! – приказал командир. – Потом ищи носилки. Пулю в контейнер!

Прапорщик не стал выяснять, для чего нужно попасть в рюкзак. Он просто выстрелил. Пуля пробила рюкзак и свалила бандита, который держал его, прижав к груди.

Но вот после этого Затулько спросил:

– Товарищ старший лейтенант, а если в контейнере какая-нибудь атомная бомба или что-то в этом роде? Мы же себя под облучение подставим. А у меня жена молодая. Облучаться, честно говоря, мне не слишком хочется.

Старший лейтенант знал, что Затулько недавно развелся и женился во второй раз. Но пожалел он не его лично, а всех солдат роты.

– Понял. Пока отставить стрельбу по контейнеру. Занимайся живой силой.

– Можно из той же винтовки?

– Патроны поберег бы.

– У меня запас солидный. Из «Корда» можно одним выстрелом двоих свалить, если рядом бегут. А они друг другу на пятки наступают. – За разговором Затулько, видимо, прицеливался и после нового выстрела сообщил командиру роты: – Не то что двоих, а аж троих завалил. Первому только руку оторвал, еще двоих, что впереди бежали, положил. Та еще винтовочка!

Тут же раздался новый выстрел.

– Старлей, у тебя что, артиллерия подросла? – спросил по связи майор Феофилактов.

Судя по этому вопросу, он только-только включился в ротную сеть и не слышал разговор Собакина с прапорщиком. Может, просто шлем в стороне держал. Наверное, не привык к экипировке «Ратник». У спецназа погранвойск она собственная, как и внутренняя связь.

– Никак нет, товарищ майор. Это дальнобойный «Корд» так лупит. Сейчас мой снайпер сразу троих бегущих бандитов повалил.

– Нормально. Твой бой я наблюдал, даже намеревался было атаковать банду в спину. Но потом подсчитал и решил, что если они прорвутся на гребень, то я все равно не успею. Однако через пять минут банда будет в пределах досягаемости моих автоматов. Тогда мы и начнем свой бой. Ты там будь готов. Бандиты снова на тебя попрут, когда я по ним ударю.

– А вы уверены, что не на вас?

– Они так вперед рвались, что им и смысла нет завязывать с нами бой. Предполагают, думаю, что вы им в спину ударите. Они с вами основательно теперь будут считаться. Вообще-то им необходимо через твой заслон прорваться, чтобы из горного плена выбраться. Но мы тоже к приему гостей готовы. У нас полоса обороны шириной в два окопа. Само ущелье здесь в ширину не больше шестидесяти метров. Плотность огня мы обеспечим максимальную. Пусть попробуют сунуться, я не против. Да и бойцам моим того же хочется. Ты сам как? Потери есть?

– Мне еще не докладывали. Если и есть, то не должны быть большими. Мы в окопах сидели, наружу не выпрыгивали.

– Командир, у меня трое «трехсотых», – услышав этот разговор, сообщил ротному старший лейтенант Корытин. – Но все трое легкие. Раны касательные. Парни предпочли в строю остаться.

Тут же сделали доклад и остальные командиры взводов. Было еще двое раненых. Погиб один боец во взводе саперов. Шальная пуля угодила ему прямо в лоб. Он в этот момент шлем на затылок сдвинул, чтобы пот платком вытереть. Пуля пробила насквозь кисть и застряла в голове. Товарищи вынесли его в тыл и положили на пологом склоне головой вверх.

– А у бандитов какие потери? – поинтересовался майор спецназа погранвойск.

– По моим прикидкам получается никак не менее полутора сотен человек.

– Нормально. Мои ребята завалили около восьмидесяти. Значит, всего около двухсот тридцати. Это после первой атаки! Так к утру мы их всех здесь положим!

– Всем отдыхать до новой атаки. Командиры взводов, выставьте наблюдателей и менять их не забудьте, – распорядился командир роты.

Только в этот момент, снова вернувшись в действительность, он опять почувствовал присутствие боли в голове и шее. До этого, отвлеченный текущим боем, о своей болезни старший лейтенант Собакин даже не вспоминал, словно никогда и не знал ее, вообще не понимал, что это такое. Так всегда бывало. Общественное вытесняло личное.

Старший лейтенант выбрался из своего окопа, спустился по склону до убитого солдата, над которым склонился санинструктор, что-то рассматривал и записывал к себе в журнал. Этот парень занимался своим делом. Каждое пулевое или осколочное поражение он должен был описать в журнале, снять с убитого КРУС, гарнитуру связи, приемоиндикатор и вообще все приборы, включая аккумуляторы, забрать оружие и запас патронов. Все это могло сгодиться и для других бойцов роты, а потом сдавалось на отрядный склад.

Командир отошел в сторону и прилег на землю. Место здесь было относительно ровное, не так явственно ощущался угол склона. Он принял самую удобную для отдыха позу.

Раньше медики рекомендовали спецназовцам отдыхать и набираться сил, приняв позу андреевского креста, то есть лечь на спину и разбросать руки и ноги по диагонали. Специалисты по этой части считали, что так организм восстанавливается быстрее всего.

Но совсем недавно рекомендации сменились. Новая поза была разработана для космонавтов, только что вернувшихся из полета. Спецназ перенял ее. Человек лежит на спине, ноги его сгибаются под углом сто тридцать пять градусов. Угол между телом и бедрами составляет сто восемнадцать градусов. Эту разгрузочную формулу медики разработали экспериментальным путем. Она приближает человека к состоянию невесомости.

В спецназе для начала сделали даже специальные деревянные угломеры, чтобы точно соблюдать позу. Но скоро эти штуковины уже были не нужны. Тело человека само легко принимает нужное положение и получает наибольшую разгрузку. Говорят, оно чувствует себя точно так же, как в невесомости. На позвоночник осуществляется наименьшее давление. Вся нагрузка на тело распределяется равномерно. Хотя для полного отдыха все же лучше разоблачиться или хотя бы бронежилет снять.

Но прежде чем лечь, Виктор Алексеевич посмотрел по сторонам. Отдыхать пожелали далеко не все бойцы. На склоне устроилась где-то третья часть роты. Остальные предпочитали находиться, что называется, на боевом взводе. Все зависит от организма. Одному нужен отдых, другому временное расслабление только вредит. Этому солдату после отдыха бывает трудно вернуться к боевому состоянию.

Сам командир разведывательной роты обычно предпочитал не расслабляться. В этот момент боль вроде бы отступала, зато потом возвращалась и набрасывалась на него с новой силой. Но в этот раз, накануне ночи, которая обещала быть бессонной, он решил, что отдых необходим даже его тренированному организму.

Однако отдохнуть в достаточной мере бандиты спецназовцам не дали. Видимо, они не смогли найти место, где их не доставали бы пули снайперов и автоматчиков. Боевики прямо под огнем, неся при этом потери в живой силе, хотя и не слишком значительные, перегруппировались для новой атаки на позицию армейского спецназа.

Как и предполагал старший лейтенант Собакин, атаковать бандиты намеревались теперь на левом фланге его обороны, то есть на своем правом, где они имели возможность прятаться за скалы. Упустить такую возможность эмир не желал. Скалы должны были хоть как-то прикрывать их спереди и со спины, но никак не могли защитить от обстрела сбоку. Теперь уже банда шла одной колонной, довольно широкой и длинной.

Старший лейтенант рассмотрел в бинокль хребет, противоположный тому, который обвалился. При этом он обратил внимание на каменно-земляной козырек, выступающий над ущельем достаточно далеко, и на стену под ним, на вид довольно слабую, покрытую многочисленными трещинами. Хорошо, если это не обман зрения.

– Котенков, ко мне! Новая задача! На месте покажу.

– Иду, товарищ старший лейтенант, – отозвался командир взвода минометной поддержки.

Лейтенант прибежал быстро. Он забрался в окоп, перевел дыхание после быстрого подъема по склону и сразу вытащил свой планшетник, где карта была разделена на квадраты поражения.

– Отлично отработал. Могу только поздравить и поблагодарить. А теперь новая задача. – Виктор Алексеевич протянул лейтенанту свой бинокль, показал пальцем и спросил: – Видишь козырек, что над скалами навис?

Лейтенант козырек нашел быстро.

– Вижу. Основание каменное, поверху земля, – сразу дал он качественную характеристику этому месту. – Посадить туда взвод автоматчиков проблематично. Забраться сложно. Разве что с вертолета высадиться. Но где его взять?

– Нет у нас ни вертолета, ни взвода в запасе. А обрушить козырек сумеешь?

– Основание каменное. Все зависит от прочности и монолитности камня. Да и попасть в козырек проблематично. Но попробовать можно. – Лейтенант сделал отметку на карте в планшете и осведомился: – Корректировщик, ты слышал задачу?

– Так точно. Готов к работе, – отозвался тот с противоположной стороны ущелья. – Только мне кажется, что камень там очень крепкий. Едва ли получится. Если только он с землей перемешан.

– Это уже не твоя забота. Хотя бы краешек уронить, он на склон упадет. Дальше камни сами посыплются, бандитов зароят, не дадут им возможности за скалы прятаться. Они внизу невысокие, обвал их с общей поверхностью сравнивает. Пусть с камня на камень прыгают поверху, если хотят. Мы их будем влет бить, прямо как уток на охоте.

– Товарищ старший лейтенант! – неожиданно вмешался в разговор гранатометчик третьего взвода младший сержант Золотухин. – Если вместе с минами и я тройку ракет туда же положу? Нормально будет?

На вооружении у Золотухина был гранатомет «РПГ-29» «Вампир». Но в наличии у него имелись, как знал командир роты, только бронебойные ракеты «ПГ-29В», против живой силы, по большому счету, бесполезные. В банде собственной бронетехники не было, поэтому гранатомет пока не использовался. Сам Золотухин воевал как простой солдат, с помощью автомата.

Справятся ли бронебойные ракеты с камнем, Собакин не знал. Правда, согласно технико-тактической характеристике, они пробивали шестисотмиллиметровый слой гомогенной брони вместе с динамической защитой. Но у камня другая температура плавления. Попробовать, однако, стоило.

– Сколько у тебя вообще выстрелов?

– Три, товарищ старший лейтенант. Весь запас.

– Дашь два выстрела в скалу, один, последний – под нее, чтобы камнепад организовать.

Но это только тогда, когда внизу бандиты будут. Им еще до этого места минут десять-пятнадцать добираться. Сначала минометчики попробуют пристреляться.

Лейтенант Котенков принял слова командира роты за руководство к действию, выбрался из его окопа и побежал к своему взводу.

В это время бандиты, выполняя команду своего эмира, тоже побежали. Они вышли из-под прицельного огня пограничников, но тут же угодили под обстрел бойцов спецназа военной разведки. Даже не прибегая к помощи бинокля, Виктор Алексеевич видел, насколько такой обстрел оказался опасным для банды. Она ведь еще не подошла к скалам, за которыми можно было бы укрыться.

Невдалеке от них банда внезапно стала разворачиваться веером, чтобы охватить весь левый фланг армейского спецназа. При этом большая ее часть все равно прижималась к хребту, надеясь, видимо, прорваться именно здесь.

Старший лейтенант Собакин опять в середине строя увидел носилки с контейнером и тут же вызвал на связь майора Феофилактова.

Тот ответил со скоростью, необходимой для того, чтобы надеть шлем, лежащий где-то под рукой. Носить его на голове Феофилактов, похоже, упорно не желал.

– Слушаю тебя, старлей. Вижу атаку на твои позиции. Удержишься?

– Нам деваться некуда. Остается только держаться, товарищ майор. Я вот что хотел сказать. Может, стоит запросить ФСБ про этот контейнер, который бандиты опять волокут на носилках? Что в нем может оказаться? Они могут и знать, иметь хотя бы какие-то косвенные данные.

– Нам сообщили бы, если бы знали. Но я попробую еще и запросить, попрошу наше управление в Москву обратиться. Может, там какие-то подозрения есть. Если что-то будет, то я тебе сообщу. Конец связи.

– Конец связи, товарищ майор.

Головная боль снова подступила, причем такая сильная, что даже в глазах потемнело. Старший лейтенант подумал, что сейчас потеряет сознание. Таблетки были у него в кармане под бронежилетом, но принимать их он не решился, помнил свой единственный опыт, когда воспользовался помощью фармакологии и почти полностью потерял контроль за своим поведением. Сейчас это было совершенно недопустимо, и Собакин усилием воли попытался заставить себя про боль забыть.

Тут, словно в помощь ему, началось действие. Заговорили минометы. Мины теперь летели не над головой старшего лейтенанта, однако привычный вой их стабилизаторов просто радовал душу и слышался душевной песней.

Собакин поднял к глазам бинокль. Первая мина упала с небольшим недолетом. Вторая перелетела цель и вызвала небольшой камнепад на склоне, до которого бандиты еще не дошли.

Однако корректировщик, видимо, свое дело знал на отлично. Виктор Алексеевич слышал его подсказки лейтенанту Котенкову, но ему эти слова ничего не говорили. Он, конечно, как всякий офицер спецназа ГРУ, умел обращаться с беззвучным минометом «Галл», но корректировку огня всегда вел на глазок, без привязки к квадратам карты. А рядовой Максаков, похоже, не просто передавал данные, он еще и считал метры, вычислял цель то ли на логарифмической линейке, то ли на калькуляторе, при этом не допускал ошибок. Поэтому третья мина легла прямо на основание каменного козырька, подняла большое облако пыли.

Но «Вампир» пока не стрелял. Младший сержант Золотухин хорошо понял задачу и дожидался момента, когда под карнизом появятся бандиты. Причем не просто передовой отряд, а вся колонна, которую хорошо было бы разорвать на две части и по одной уничтожить. Хотя делить банду в середине опасно. Слишком большие группы будут созданы. Значит, следует отсчитать приблизительно полторы сотни человек. Спецназовцы вполне смогут реально уничтожить их, отсеченных от остальных.

Именно с этой целью старший лейтенант Собакин снова взялся за бинокль. Он примерно отсчитал нужное количество бандитов, дождался, когда они приблизятся к карнизу, и дал резкую команду:

– Котенков, огонь! Золотухин, присоединяйся! Всем остальным отсечь передовую группу от остальной колонны!

Глава 5

Первыми активно заговорили пулеметы, до этого только лениво выплевывающие прицельные, не слишком частые и не особенно длинные очереди. Очень быстро к ним присоединились автоматы бойцов роты и снайперские винтовки. Изредка звучно подавал голос «Корд».

Разрыв в бандитской колонне образовался сразу и резко расширился. Появилась даже угроза того, что если обрушение карниза и произойдет, то никого не сумеет накрыть.

Поэтому командир роты дал новое распоряжение:

– Активный обстрел прекратить! Постреливать лишь изредка, как будто от нечего делать. Лениво, но прицельно.

«Разве можно было бы дать такую команду раньше, когда внутри роты приходилось объясняться знаками! Все-таки гарнитура связи – дело великое», – отметил старший лейтенант достижения военной науки.

Бандиты отстреливались, но не видели перед собой противника, ведущего по ним прицельный огонь. Спецназовцы укрывались в окопах. Попробуй отличить от камня шлем, обтянутый камуфлированной тканью, да еще и издали. Не стрелять же по всем подряд камням. На это и патронов не напасешься.

Глушители автоматов спецназа при этом со своей работой справлялись на отлично. Щелчки затворов сливались воедино, создавали фоновый металлический шум, происхождение которого оставалось непонятным для непосвященного человека. Словно бы где-то рядом проходила железная дорога, по которой на высокой скорости следовал чрезвычайно длинный грузовой состав, и колесные пары постукивали на стыках рельсов. Этот общий звук не выдавал каждого отдельного стрелка, не показывал его местонахождение. Поэтому бандитам было непонятно, куда им стрелять. Они посылали пули просто в гребень.

Миномет ухнул громкоголосым лесным филином. Мина пролетела опять не над головой старшего лейтенанта, а левее. Почти одновременно с потрескиванием, вся окутанная дымом, ринулась вперед ракета «Вампира». Прицел гранатометчик Золотухин выдержал правильный. Ракета ударила в самый край карниза и заставила его вздрогнуть.

Бандиты, находившиеся внизу, вероятно, испытали далеко не самые приятные минуты в своей жизни. Сверху на них посыпались осколки камня и земля.

Мина снова, как и при пристрелочном выстреле, попала сверху в основание природного сооружения, в место соединения скалы с хребтом. Наверное, повторить такой выстрел было сложно прежде всего потому, что миномет при выстреле сильно подпрыгивает и меняет свое положение. Но расчету во главе с лейтенантом Котенковым удалось это сделать. Вторая мина легла точно туда же, куда и первая.

Бинокль, который старший лейтенант не выпускал из рук, показал, что по карнизу протянулась не особо широкая, однако все же заметная трещина. Бандиты снизу, конечно же, не видели ее, но поняли замысел командира роты. Колонна ускорила передвижение, перешла с быстрого шага на бег.

По сути дела это уже была и не колонна вовсе, хотя и в цепь она не вытянулась. Теперь командир разведывательной роты видел перед собой просто толпу. Каждый бандит в ней стремился обогнать другого, идущего впереди, тем самым спастись самому, не думая о тех, кто отстанет.

Старший лейтенант даже удивился такому порядку атаки. Вроде бы эти бандиты имели немалый боевой опыт. По крайней мере, именно так предупреждали Собакина в штабе отряда перед отправкой на операцию.

В реальности же боевики ничего подобного не продемонстрировали ни во время первой атаки, когда банда уже почти добилась своего и внезапно отступила, ни во время второй.

Если бы бандиты вытянулись вдоль линии спецназа несколькими собственными, пусть даже на одном из флангов, то создали бы преимущество в огневой мощи. Однако пока они даже не видели, куда им необходимо стрелять и откуда ведется огонь по ним.

Конечно, боевики заметили, откуда раздался выстрел из «РПГ-29». Теперь они активно обстреливали окоп младшего сержанта Золотухина, не давали ему высунуться, посмотреть в свою сторону, голову поднять. Бандиты опасались, что следующий его выстрел будет осколочно-фугасным, направленным на них. Каждый из них, как человеку и положено, был уверен в том, что стрелять Золотухин будет именно в то место, где находится как раз он. Отсюда становится понятным желание каждого боевика выпустить из своего ствола как можно больше пуль, чтобы соблюсти собственную явную или даже предполагаемую безопасность.

Между тем время уже приближалось к вечеру, и вскоре должны были подступить короткие горные сумерки. После этого наступит и черная темнота, свойственная ночным ущельям, куда проникает мало света луны и звезд.

Скорее всего, бандиты не знали, что прицелы на автоматах военных разведчиков и пограничников являются не просто оптическими, но еще и тепловизионными. Они будут показывать боевиков и вообще все биологически активные объекты и в темноте, чем создадут бойцам роты значительное преимущество в бою.

Это незнание, похоже, заставляло бандитов не сильно торопиться. Они словно бы сами с нетерпением ждали темноты, надеясь, что она их надежно прикроет. Но пока еще было светло, и старший лейтенант Собакин думал прикрыть часть банды совсем другим образом.

На карниз, заставляя его сильно содрогаться всем каменным телом, легли одна за другой еще три мины. Судя по времени между выстрелами, работал только один миномет, который уже был точно наведен на цель.

– Золотухин! – позвал старший лейтенант.

– Я, командир! – отозвался младший сержант.

– Ты в состоянии сделать еще два выстрела?

– Меня так плотно в окоп вогнали, что голову поднять невозможно. Я уже пытался, пули по шлему в двух местах чиркнули. До сих пор звон в голове стоит.

Тут старший лейтенант внезапно осознал, что боль в его собственной голове мешает ему думать и даже говорить.

Он некоторое время молчал, чем вызвал беспокойство младшего сержанта, который позвал его обеспокоенным голосом:

– Командир! Товарищ старший лейтенант!

– Здесь я, – наконец-то отозвался Собакин. – От шальных пуль прячусь.

Он вдруг понял, что забыл, что собирался сказать гранатометчику.

Старший лейтенант с трудом сформулировал новый, как ему думалось, вопрос, хотя тот и был тем самым, который он думал раньше задать Золотухину:

– А выбраться из окопа, не попадая под обстрел, можешь?

– Без проблем. У меня лаз позади, на другую сторону склона смотрит.

– Переберись на три-четыре окопа ближе к левому флангу и стреляй оттуда. Цель прежняя. Потом еще ближе, но уже на пять-шесть окопов. Предупреди бойцов, которые в этих окопах сидят, что будет массированный обстрел. Чтобы они не сильно высывались.

– Понял. Работаю, товарищ старший лейтенант. Бери выстрелы, пошли. – Последние слова Золотухина, разумеется, относились ко второму номеру гранатометного расчета, который обычно и носил за младшим сержантом рюкзак с гранатами и ракетами.

Собакин высунулся из своего окопа совсем немного, только чтобы посмотреть, как на бруствер чужого окопа ляжет большая туба «Вампира». Командир роты просто желал увидеть сам момент выстрела и оценить, насколько место, с которого работал гранатометчик, становится заметным.

Тут сразу несколько пуль одной и той же, похоже, очереди ударили по шлему. Они добавили к привычной головной боли новую, которая первую не выбила, но наделила ее неведомой силой, да такой, что старшему лейтенанту захотелось застонать.

Он вообще-то от природы был человеком терпеливым, всегда считал, что является носителем низкого порога чувствительности, то есть умеет переносить боль без труда. Старший лейтенант никогда себя не жалел. Ни в боевой обстановке, ни на тренировках, когда нагрузки давались на грани того, что может человек перенести, но всегда вдвое, а то и втрое большие, чем в реальном бою. Ни стоны, ни жалобы от него никто и никогда не слышал.

Но сейчас ему так захотелось застонать, что он легко убедил себя в том, что после этого боль станет переноситься намного легче. Собакин нажал на кнопку КРУСа, полностью отключился от связи во всех ее проявлениях и застонал в голос. Но еще на середине этого стоны он понял, что сам звук страдающего человека и боль в голове и в шее никак не связаны. Стон ему нисколько не помогал.

Старший лейтенант остановил себя и тут же включил КРУС, чтобы ни на секунду не потерять нить боя. Он вдруг понял, что сидит на дне окопа, вырытого им собственноручно несколько часов назад. Самого момента, когда он сел на каменистую землю, Собакин не помнил. Видимо, он начал садиться, когда в шлем ударила первая пуля.

Собакин снял шлем с головы и осмотрел его. Шлем оставался целым, только тряпичная камуфлированная обшивка была порвана пулями чуть позади виска и еще в двух местах на темени. Окажись старший лейтенант без шлема, не сносить бы ему головы.

«Вот урок любителям бандан, – подумал командир разведывательной роты. – Надо будет после боя, если, конечно, я останусь жив, показать солдатам свой шлем и объяснить ситуацию. А звон в ушах? Был ли он?»

Ему вспомнились слова младшего сержанта Золотухина, которому в шлем попали две пули. У того в ушах стоял звон. Сказано это было не для красного словца. Собакин много раз слышал подобное и от других бойцов, кому посчастливилось испытать шлем автоматной пулей.

Но вот сам старший лейтенант никакого звона не ощущал и не запомнил. Хотя вполне можно было допустить, что он попросту не слышал его из-за жуткой головной боли. Да еще сами удары пуль ее добавили. Что против этой боли какой-то звон в ушах! Тем более что они, уши, прикрыты наушниками.

Это напомнило Собакину еще об одной вещи. Микрофон на шлеме находится снаружи. Он должен был уловить удары пуль в шлем. Они попросту не могли быть беззвучными. Микрофон обязан был передать их в наушники, причем с повышенной громкостью, как и все остальное. Наверное, так оно и было, потому что сам микрофон Собакин не выключал. Однако боль и эти звуки тоже услышать не дала. По крайней мере она не позволила обратить на них внимание, хотя ухо их наверняка уловило.

«Нет, – понял командир роты. – Оставлять это во взвешенном состоянии никак нельзя. Так я могу и бойцов роты в какой-то момент подвести. Значит, мне следует обращаться в санитарную часть, лечь в госпиталь».

Но к чему это может привести? Меня, естественно, спишут из армии по инвалидности и оставят жить с этой болью. Даже не жить, а доживать то, что мне осталось. Это, конечно, не так уж и много, но постоянно терпеть боль сложно, почти невыносимо. Я этого не хочу.

Выход из этого положения есть. Он называется эвтаназией. Но она в нашем государстве запрещена.

Есть еще один вариант – самоубийство. Но в этом случае мои жена и малолетняя дочь окажутся без средств к существованию. Если военнослужащий совершил самоубийство, то его семье не положены никакие выплаты за потерю кормильца, в том числе и получение военной страховки.

А ведь деньги в семье получаю только я. При постоянных переездах из одного военного городка в другой жена так и не смогла устроиться работать, хотя имеет вполне ходовую гражданскую профессию – экономиста.

Погибнуть в бою я не боюсь. Тогда моей семье будет положена пенсия по потере кормильца. Жена и дочь не останутся ни с чем. Это будет совсем не самоубийство, после которого пенсия семье не начисляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.